

ЖИЗНЬ — ХОРОШИЙ УЧИТЕЛЬ

У КАЖДОЙ книги, помимо выпадающей ей доли, как об этом напоминают нам афористические выражения, есть ее собственные горизонты, свои измерения — место и время. Роман «Кузнецкий мост» Саввы Дангулова обнимает годы Отечественной войны, простиравшейся на неохватных пространствах земли. Перед нами возникают разные страны, разные города, множество человеческих лиц и характеров. Вчитываясь в роман «Кузнецкий мост», и порой кажется, что художественное это исследование — глубоко своеобразные дневниковые записи автора. И оттого у вас ощущение достоверности повествования, той правды, которая исходит от самого первоисточника, и читателя не покидает впечатление постоянного присутствия автора во всех изображаемых ситуациях.

«Кузнецкий мост» — это осмысление опыта величайшего подвига, осознание направленности исторического процесса.

КАКОВ ЖЕ основополагающий замысел «Кузнецкого моста», как он видится нам в контексте романа?

Ведущая тема романа — создание антигитлеровской коалиции.

В этом сказались инициативное, деятельное начало советской дипломатии, ее верность принципам Октября, ее решимость подчинить действительность своим средствам великим целям защиты Отечества и в этой связи ее опыт, ее высокое умение, ее профессиональные и нравственные достоинства. Важнейшие переговоры с союзниками, в том числе переговоры на конференциях в Ялте и Потсдаме, как свидетельствуют исторические факты, определяя коллективный разум советской дипломатии. Стратегический план этих переговоров был разработан и во многом осуществлен своеобразным дипломатическим советом, в который входили видные наши дипломаты. И в романе «Кузнецкий мост» воссоздаются образы дипломатов именно такого масштаба.

Сперва о Бардине, дипломате и человеке, которому автор отвел главную роль в романе. По собственной нашей жизни мы знаем, как война вторглась в наши души, какие перемены она внесла во весь строй нашей жизни. Тем более это верно по отношению к Егору

Бардину, чье жизненное и деловое время было в эти годы предельно уплотнено. Многое из того, что возникло в его сознании в последний год войны, не могло возникнуть в раннюю пору войны: сам подход к явлениям, сам строй мышления стал иным. Это привело автора к тому, что в заключительной части книги он дал главу, в которой Бардин как бы воссоздает свою жизнь. Свою долю в мыслях Егора Ивановича занимает его наркоминдельское подвижничество, хотя он и понимает, что и тут все не может продолжаться по-прежнему, так, как было.

Поистине для него в высшей степени насущным становится вопрос: остаться на дипломатической службе или уйти в науку? И все-таки ему, Егору Ивановичу, наркоминдельская страда, со всем жестким ее ритмом, способна подарить такое, что наука принести ему не может. Следовательно, выбор, к которому склонен обратиться Егор Иванович, пожалуй, не столь рационален, но в большей степени соответствует бардинскому характеру.

Друг Бардина по наркомин-

дельскому подвижничеству Бекетов пришел в наше сегодня через испытания тридцатых годов, испытания тем более несправедливые, что речь идет о человеке такой нравственной чистоты, как Сергей Петрович. Не только поэтому, но и в силу той непоколебимой сути, которую явил нам характер Бекетова в процессе отношений с кругом лиц, среди которых находился Сергей Петрович. Всем кругом лиц: послами Михайловым и Тарасовым, коллегами по лондонской службе Шошиным, Багричем, Новинским, с англичанами Хором и Коллинзом в первую очередь.

В особенности с Коллинзом. И это глубоко примечательно. Крупный ученый-биолог, он не без колебаний возглавил общество дружбы. Коллинз принял этот пост не столько в силу симпатий к СССР (справедливости ради надо сказать, что они появились позже), сколько в силу патристических побуждений: он полагал, что его президентство в обществе дружбы полезно прежде всего воюющей Великобритании. Однако, принимая пост, он предупредил Бекетова: «Имейте в виду, что со мной вам будет нелегко». Бе-

кетова, разумеется, это не испугало. «Те, с кем нам столкнуться будет легче, не всегда будут полезнее делу», — мог подумать Сергей Петрович и наверняка по-своему был бы прав. Именно здесь ум Бекетова, его талант и терпимость, как и его твердость в вопросах принципиальных, сыграли свою роль. Мягкий Бекетов был неуязвим, когда речь шла о вопросах принципиальных.

Если же говорить о Бардине и Бекетове, то автор являет их читателю как бы объединенными тем несокрушимым, возвышенным и истинно плодотворным, что дало им и роману их братство. Атмосфера нравственной чистоты, к которой автор стремился в романе, отношения Бардина и Бекетова, их идейная и духовная близость, их дружба в немалой мере способствуют и очень помогают. Перед нами и друзья-единоверцы, и во многом антиподы — свою бесценную истину они добывают в споре, который в сущности идет через всю книгу. В этом — радость взаимного понимания и общения.

Для Бардина, как, впрочем, и для его товарищей по Кузнецкому мосту Бекетова и Тамбиева, смыслом их деятельности является создание антигитлеровской коалиции. Они ищут единомышленников в союзническом лагере, ищут и находят.

Это прежде всего американцы рузвельтовского толка: Гопкинс, Бухман, посол Вайнант. Нельзя сказать, чтобы эта группа была могучей, но она влиятельна, опираясь не столько на тех, кто владеет реальной властью в госдепартаменте, сколько на круги либеральной буржуазии и интеллигенции. Наиболее характерное для всей группы — сознание главной мысли: только истинное взаимопонимание с советской стороной гарантирует победу над германским фашизмом и обеспечение прочного мира в будущем.

Автор романа стремится исследовать нравственные и политические позиции каждого из названных деятелей в тот особо ответственный период — в плане психологическом это чрезвычайно интересно. В заключительной части романа автором воссоздается спор, поводом к которому явилась смерть Рузвельта. В ходе этого диалога, по-своему жестокого, речь идет о политике бывшего президента в годы войны, но в действительности это разговор о существе американской политики по отношению к СССР, о способности этой политики искать взаимопонимания с государством, основанным ленинским гением, о готовности мыслить категориями, которые подсказаны опытом истории. Исследование этого аспекта темы несомненно обогащает книгу, главная мысль которой — поиски путей к политике сосуществования.

«КУЗНЕЦКИЙ мост» принадлежит к числу тех книг, которые открываешь заново. Читаю этот роман, и мне постоянно кажется, что герои его как бы оживают и беседуют со мной. Памятные это беседы, из которых все более постигаешь, какого формата эти люди, политики, дипломаты.

Каждый новый день, переживаемый миром, его заботы и сомнения, убеждают нас: спасение человечества, именно спасение — в полном, безотлагательном и действенном осуществлении политики мирного сосуществования государств с различным социальным строем, политики, которую обосновал и развил в своих бессмертных трудах Ленин. Стоит ли говорить, что, утвердив эту политику в своих внешних делах, Советский Союз явил перед всем миром гуманистические начала своего строя, своих общественных идеалов, своих взглядов на нынешний и завтрашний день человечества. Очевидно, призвание нашей литературы заключается в том, чтобы всеми имеющимися в ее распоряжении средствами помогать осуществлению этих принципов — тут у советского народа и народов земли одни тревоги и надежды.

Полагаю, что роман «Кузнецкий мост» и служит этой благородной цели.

Николай ФЕДОРЕНКО.